

СМЕРТЬ МЛАДШАГО БРАТА.

ИЗЪ Ш. УЗНИКА.

Но онъ — нашъ милый , лучший цвѣтъ ;
Нашъ Ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ ;
Сокровище семьи родной ;
Онъ — образъ матери душой
И чистой прелестью лица ;
Мечта любимая отца ;
Онъ — для кого я жизнь щадилъ :
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть !
Увы ! . . . Онъ долго могъ сносить
Съ младенческою пишиной ,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой !
Не я ему — онъ для меня
Подпорой былъ ! . . . Вдругъ день опъ дня
Сталъ упадать , ослабѣвалъ ,
Грустилъ , молчалъ и молча вялъ ! . . .

О Боже ! Боже ! страшно зрѣшь ,
Какъ силился преодолѣшь
Смерть человека ! . . . Я видалъ ,
Какъ рапникъ въ битвѣ погибалъ !
Я видѣлъ , какъ пловецъ тонулъ
Съ доской , къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей !
Я зрѣлъ , какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ ,
Съ богохуленьемъ на устахъ ,
Пока ихъ смерть не заперла !
Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скорбь была ,
Болѣзнь глубокая души !
Смиренымъ Ангеломъ , въ тиши ,
Онъ гасъ , споль кропко — молчаливъ ,
Споль безнадежно — шершѣливъ ,
Споль грустно-помень , нѣжно-пихъ ,
Безъ слезъ , лишь помня о своихъ
И обо мнѣ . . . Увы ! онъ гасъ ,
Какъ радуга , плѣняя насъ ,

Прекрасно гаснешъ въ небесахъ !
Ни вздоха скорби на устахъ !
Ни ропота на жребій свой !
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ ,
О лучшихъ будущаго дняхъ ,
О упованьи. . . Но объятъ
Сей прапшой , горшею изъ прапъ ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи !
Вошце , кончаясь , онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ. . .
Вдругъ рѣже , препетнѣе сталъ
Дышать , и вдругъ умолкнулъ онъ ! . . .
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ ,
Я вслушиваюсь. . . тишина !
Кричу , какъ бѣшенный. . . спѣна
Откликнулась. . . и умеръ гулъ !
Я цѣшь опчаянно рванулъ
И вырвалъ ! . . . къ брату ! . . . брата нѣтъ !
Онъ на столбѣ — какъ вешній цвѣтъ ,

Убитый хладомъ — предо мной
Висѣлъ съ опущенной главой !
Я руку тихую подъялъ !
Я чувствовалъ , какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты !
И, мнилось , были отняты
Всѣ силы у души моей !
Все страшно вдругъ сперлося въ ней !
Я дико по тюрмѣ бродилъ —
Но въ ней покой ужасной былъ ,
Лишь вѣялъ отъ спѣны сырой ,
Какой-то холодъ гробовой !
И взоръ на мертваго вперивъ ,
Я зналъ лишь смутно , что я живъ !
О ! сколько муки въ знаньи томъ ,
Когда мы тупъ же узнаёмъ ,
Что милому уже не быть !
И мигъ сей могъ я пережить !
Незнаю — вѣра ль то была !
Иль хладность къ жизни жизнь спасла !

Но что потомъ сбылось со мной ,
Не помню ! .. Свѣтъ казался тьмой ,
Тьма свѣтомъ ; воздухъ исчезалъ ;
Въ оцѣпененіи стоялъ ,
Безъ памяти , безъ бытія ,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я !
И видѣлось , какъ въ пѣжкомъ снѣ ,
Всѣ блѣднымъ , темнымъ , пусклымъ мнѣ !
Всѣ въ мушную слилося тѣнь !
То не было ни ночь , ни день !
Ни пѣжкѣй свѣтъ пюрьмы моей ,
Споль ненавистный для очей !
То было тьма безъ темноты !
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ !
То были образы безъ лицъ !
То страшный міръ какой-то былъ ,
Безъ неба , свѣта и свѣшилъ ,
Безъ времени , безъ дней и лѣтъ ,
Безъ промысла , безъ благъ и бѣдъ ;

Ни жизнь , ни смерть — какъ сонъ гробовъ !
Какъ Океанъ безъ береговъ ,
Задавленный тяжелой мглой ,
Недвижный , темной и нѣмой !

НОВЫЯ АОНИДЫ.

НА 1823 ГОДЪ.

Наславники — Пипы—
О Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плешупъ Харишы
Безсмертные ввнцы!

Батюшковъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

1823.